

УДК 069:39(44)+069-051(=133.1)''1897/1985''

Doi 10.31773/2078-1768-2024-66-240-249

ЖОРЖ АНРИ РИВЬЕР И ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Куклинова Ирина Анатольевна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры музеологии и культурного наследия, Санкт-Петербургский государственный институт культуры (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: i_kuklinova@mail.ru

Актуальность тематики статьи обусловлена значительным интересом к традиционной культуре и способам ее сохранения и презентации в современном мире. Обращение к историческому опыту убедительно доказывает, что данная сфера на протяжении длительного времени была связана с поиском наиболее эффективных форм представления и популяризации этнографического наследия. Вопрос рассмотрен на материалах, характеризующих формирование концепции Национального музея народных искусств и традиций в Париже (Франция). Его создание в значительной степени обязано идеям и энтузиазму видного французского музеолога Жоржа Анри Ривьера. В статье анализируются работы, написанные Ривьером в 1936–1938 годах. Они стали результатом его знакомства с международным опытом по документированию и репрезентации этнографического материала и послужили теоретическим основанием при организации будущего музея.

В заключение утверждается, что открытое в 1972 году учреждение отвечало представлению о музее синтеза, адресованном самой обширной аудитории и основанном на двойном принципе построения самостоятельных экспозиций для специалистов и широкой публики. Идея синтеза нашла свое воплощение и во взаимосвязи парижского собрания с многочисленными региональными музеями, представлявшими локальные культурные традиции.

Ключевые слова: этнографический музей, Ж. А. Ривьер, французская периодика, экспозиционная деятельность, музейные посетители.

GEORGES HENRI RIVIÈRE AND THE INCEPTION OF THE FRENCH MUSEUM OF ETHNOGRAPHY

Kuklinova Irina Anatolyevna, PhD in Culturology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Museology and Cultural Heritage, St. Petersburg State University of Culture (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: i_kuklinova@mail.ru

The idea of allocating ethnographic collections characterizing the French traditional culture to a special museum collection first appeared in France in the 1930s. It took several decades following its original conception to actually bringing this idea to. The famous museologist Georges-Henri Rivière played one of the leading roles creating the National Museum of Popular Arts and Traditions of France. The 1930s were not only a time of rapid development in terms of ethnology as a science but also of a serious transformation of the museum as a sociocultural institution. At that time, museums began to realize they had new visitors – working class people. As a result, significant effort was put into making scientific knowledge more popular. Rivière was one of the most prolific advocates of this process.

The factors that affected the development of museums of ethnography at this time are examined in this article. These factors include political factors, the formation of ethnology as an independent university course of study, putting more emphasis on the collection of objects as the most important stage of their studies, and museum experience becoming international, meaning experience could be shared between European and North American institutions. After joining the Ethnographic Museum of Trocadéro, Rivière travelled, studying the experience of presentation and popularization of cultural heritage in various regions of the world.

The result of his trips was the papers he published in 1936–1938. The concept of a national museum dedicated to traditional French culture was outlined in them. It is specifically noted that when creating a new museum, you must take into account the numerous existing regional museums with similar themes. As a result, it is recommended to classify museums based on their collections and the target audience. The future National Museum of Popular Arts and Traditions was to become a ‘synthesized’ museum accumulating the material of and referring to regional museums that had formed as more narrow, highly specialized museums in their field. Rivière placed significant emphasis on visitors to the future museum, it was to become really popular, and open to a wide range of people. Extensive field work to collect and provide a specialized academic description of the objects of traditional culture became an important element for creating this ‘synthesized’ museum, they formed the basis for their broad interpretation when it came to exhibitions.

Keywords: ethnographic museum, G.H. Rivière, French periodicals, exposition activities, museum visitors.

Музей Трокадеро, созданный в 1882 году после Всемирной выставки, проходившей в Париже в 1878 году, ассоциируется прежде всего с неевропейскими коллекциями. Однако в составе собрания изначально были предметы, характеризовавшие быт европейских крестьян, и в 1884 году здесь открылся зал Франции. В нем были представлены традиционные костюмы, а также реконструкции нескольких крестьянских интерьеров [11]. К 1930-м годам развитие этого собрания привело не только к пониманию необходимости его перемещения в новое здание, но и к размежеванию неевропейского и французского материала. Целью данной статьи является определение того, в каких условиях и под влиянием каких факторов в 1930-е годы формировалась идея дифференциации этнографических коллекций в Париже. Особую значимость для данного исследования имеет анализ взглядов будущего директора нового французского музея Жоржа Анри Ривьера на его концепцию. По прошествии длительного времени творческая биография этого видного французского музейного теоретика и практика вызывает большой исследовательский интерес. Им была выстроена собственная система популяризации научного знания в стенах музея, актуальная для той эпохи и заслуживающая тщательного изучения в наши дни. Будучи глубоко погруженным в практику, Ж. А. Ривьер также много внимания уделял ее осмыслению, нашедшему отражение в многочисленных публикациях. В данной статье сделаем акцент на анализе его статей, относящихся ко второй половине 1930-х годов, – времени оформления идеи создания Музея народных искусств и традиций.

Перейдем к характеристике тех факторов, которые оказывали в тот период воздействие на развитие этнографических музеев.

В 1920–30-х годах свое влияние на происходящее в музейном мире оказывал политический фактор. В 1924 году большинство на выборах во Франции получает Левый блок, и новый министр колоний Э. Даладьё, на которого оказывают влияние антропологические взгляды Л. Леви-Брюля и М. Мосса, способствует созданию во Франции в 1925 году Института этнологии. Таким образом, этнология получает статус университетской дисциплины. А во второй половине 1930-х годов на развитие этнографического музея в Париже и его трансформацию в две самостоятельные институции существенное влияние окажет политика демократизации сферы культуры, проводившаяся пришедшим к власти Народным фронтом. Сокращается продолжительность рабочей недели, появляется оплачиваемый отпуск – все это способствует расширению круга посетителей музеев, в первую очередь, за счет рабочих.

После Первой мировой войны, под влиянием нового отношения к населению колоний, принявшему активное участие в военных действиях на стороне метрополии, меняются акценты и в колониальной политике. Рассмотрение неевропейского только как мира примитивной экзотики уступает место научному взгляду, отныне «разнообразие рас изучается не для выстраивания их иерархии, а для заявления о различиях» [10]. Еще одним особенным миром воспринимается европейская традиционная сельская жизнь. В 1928 году в Праге был проведен Международный конгресс народных искусств, предшество-

вавший рождению Международной комиссии народных искусств. Среди ее задач было участие в создании музеев под открытым небом на европейском континенте [11]. Как раз эта комиссия стала одним из организаторов музеографического отдела на Всемирной выставке в Париже в 1937 году. Во время работы выставки была обсуждена идея формирования европейского атласа фольклора, для реализации которой в Стокгольме вскоре была проведена международная встреча. Францию на ней представляли Ж. А. Ривьер и этнолог А. Вараньяк.

Существенным является тот факт, что этнология как новая наука, и не только во Франции, имела привязку к такому социокультурному институту, как музей, который с этого времени «демонстрирует этнологию как науку в процессе развития, а также сложные и живые общества, в основном составляющие части французской империи» [5]. Именно в исследуемый период изучение предметов начинается не с момента попадания их в музей, как часто бывало раньше. Функции путешественника и музейного специалиста объединяются в одном лице, и символом этих изменений исследователи полагают знаменитую этнографическую и лингвистическую миссию Дакар-Джибути (1931–1933) [5]. Один из ее выдающихся участников, этнограф, писатель и приверженец сюрреализма М. Лейрис настаивал в то время на том, что представление этнографического материала является логическим продолжением техники его сбора. Отныне этнология изучает «живые», пусть и удаленные от европейского континента, культуры, и наблюдение как основной экспедиционный метод, максимально возможная фиксация «контекста» бытования любого, самого обыденного предмета, является неотъемлемой частью работы этнолога [6, р. XII]. М. Лейрис вместе с другим участником миссии М. Гриолем стал автором «Кратких инструкций для собирателей этнографических предметов», которые во время путешествия распространялись среди всех встречавшихся на пути европейцев. Показателен тот факт, что первые выставки, рассказывающие о научных миссиях, проводились сразу после их начала. Так было с экспедицией Дакар-Джибути, так произошло и в случае научной миссии антрополога П. Коуза в Западную Канаду. Сбор

предметов и его результат – музейная презентация – оказывались максимально приближенными по времени, играя к тому же рекламную роль в отношении многомесячных научных миссий.

Следующей важной особенностью периода рождения идеи французского этнографического музея является завершение профессионализации музейной сферы. Ее специфическими чертами являются начало подготовки специалистов именно для музеев и создание уже не национальных, а международных профессиональных организаций и периодических изданий. Ведущая характеристика этого процесса – его интернациональный характер. Идеи циркулируют внутри профессионального сообщества хранителей-музеографов благодаря переписке, а также взаимным посещениям, которые постепенно становятся все более частыми. Серьезным импульсом для активизации этих контактов были и Всемирные выставки, самым показательным примером является уже упоминавшаяся Парижская выставка 1937 года с отделом музеографии.

Обращаясь к биографии Ривьера, можем отметить следующие многочисленные свидетельства, характеризующие интернациональный характер концепции будущего музея французской этнографии. Музейная карьера Ж. А. Ривьера началась в 1928 году, когда антрополог Поль Риве, назначенный директором Этнографического музея Трокадеро, пригласил его на работу. Первоначальный опыт изучения и презентации этнографического материала был получен именно здесь. Поездки начинаются уже в 1929 году. С января 1929 года по июль 1932 года он много путешествовал, изучая иностранный опыт в Скандинавии, США, Германии. В 1936 году Ж. А. Ривьер вновь побывал в Германии, а также Эстонии, Латвии, Финляндии, совершил путешествие и по СССР (по данным исследователей, в СССР он посетил 24 музея [4]). Как мы увидим, анализируя тексты его статей, очень значительное влияние на идею французского национального этнографического музея оказали скандинавские музеи (в Скансене Ривьер был несколько раз). Советский взгляд на построение экспозиции, максимально понятной для широкой аудитории, также оказался близок Ривьеру, его восхищала социальная ориентированность советских музеев.

Также значимым для него оказался и американский опыт. Считается, что идея двойной экспозиции, адресованной специалистам и широкой публике, заимствована Ривьером именно на Американском континенте. Показательным является общение молодого Ривьера с американкой Ниной Сполдинг Стивенс, стоявшей у истоков Художественного музея в Толедо (США), с которой Ривьера связывал даже брак, длившийся несколько лет (1920–30-е годы). (Первое появление Стивенс в Париже было предопределено решением организовать первую в США выставку предметов доколумбовых цивилизаций).

Достоин упоминания и тот факт, что концепция музея-лаборатории, в равной степени адресованного ученому и ориентированного в своих дидактических экспозициях на широкую аудиторию, как полагают современные исследователи, берет начало из знакомства Ривьера (через П. Риве) с деятельностью китайского Музея Желтой реки и Белой реки (Hoang-ho-Pai-ho) [10], основанного французским иезуитом и естествоиспытателем Э. Лисентом в 1914 году в Тяньцзине как Музей естественной истории и окаменелостей.

Характеризуя международный характер полученного Ж. А. Ривьером опыта, необходимо обратиться к его текстам тех лет. Для исследования доступны как избранные письма, которые он адресовал директору Музея Трокадеро П. Риве во время своих путешествий, так и статьи, осмыслившие полученный опыт и впечатления.

В письмах обращает на себя внимание неоднократная констатация интенсивности контактов и максимальная заинтересованность в них иностранных коллег во всех странах: «до сих пор мы не теряли ни минуты» (письмо от 26.10.1929, Швеция) [9, р. 22], «я столь же много работал, как и размышлял» (03.11.1929, Швеция) [9, р. 23], «я не терял ни мгновения, везде собирая впечатления и документы и везде очень хорошо принимаемый коллегами, которые существенно облегчали мне мою задачу» (15.08.1936, Эстония, Финляндия, СССР) [9, р. 26]. Ривьер всюду старается увидеть как можно больше музеев, имея заранее план посещения. Из Ленинграда он писал Риве: «В течение 8 дней пребывания в Ленинграде меня сопровождали в те музеи и учреждения, где я хотел побывать» (15.08.1936) [9, р. 26].

В письмах неоднократно упоминается, что Ривьер с коллегами постоянно фотографируют, делают зарисовки, в равной степени много времени проводят как в запасниках, так и на экспозиции. Так, характеризуя знакомство с музеем Гетеборга, Ривьер пишет, что они «много времени проводят у витрин, рассматривая и обсуждая предметы» (26.10.1929) [9, р. 22].

Изменения в функционировании Музея Трокадеро начинают ощущаться очень быстро. Ривьер, отвечающий за «народный перевод науки» [8, р. 62], работает над модернизацией отдельных залов постоянной экспозиции, открывает многочисленные временные выставки. Каждый раз эти изменения становятся настоящими событиями, о которых пишут в средствах массовой информации. Свидетельство этой практики находим в периодике того времени. Так, 21 июня 1938 года газета «Энтрансежан» опубликовала статью с броским названием «Вокруг света за десять минут». В ней автор рассказывает об открытии новых залов в музее, на церемонии ожидается присутствие президента страны [2, р. 1]. Отмечается роль П. Риве и Ж. А. Ривьера в успехе музея в последние годы, рассказывается о его современной структуре. Также автор статьи повествует об открытии очередной временной выставки, посвященной знаменитому путешествию шхуны Корриган на острова Океании (1934–1936), ставшему настоящим событием в светской и научной жизни Парижа того времени [2, р. 5]. По окончании этой экспедиции несколько сотен предметов были переданы в дар музею.

Современные исследователи подсчитали, что только в период с 1930 по 1935 год в музее состоялось примерно 60 таких «событий» [8, р. 63].

Как бы подводя итоги периода активного изучения международного опыта, в 1936–1938 годах Ж. А. Ривьер неоднократно высказывается о том, какими должны быть современные музеи, много размышляя и о специфике этнографического собрания. Очевидно, что важным импульсом для этих идей становятся Всемирная выставка в Париже 1937 года с аналитическим отделом музеографии и приуроченная к ней же трансформация старого музея Трокадеро в Музей человека и Музей народных искусств и традиций. Проанализируем статьи «Зарубежные музеи фоль-

клора и будущий “Французский музей народных искусств и традиций” (1936) [12], «Новая судьба музеев Франции» (1937) [14] и «Народные музеи» (1938) [13].

Первая из них, очень часто цитируемая, напечатана в «Журнале французского и колониального фольклора» и является продолжением лекции, прочитанной на курсе музеологии в Школе Лувра 23 марта 1936 года. В ней, обобщая опыт посещения европейских музеев, Ривьер приводит свою классификацию учреждений, обладающих этнографическими коллекциями. К первой группе он относит называемые им музеи общей этнографии, в которых «рядом с азиатскими, африканскими, американскими и океаническими коллекциями есть европейские секции» [12, р. 61], ко второй – комплексные музеи, «которые представляют не только фольклор, но и социальную структуру, предысторию, историю и даже искусство и естественную историю» [12, р. 61]. И, наконец, третья группа – это «музеи, посвященные исключительно фольклору или народному искусству» [12, р. 63]. Среди них он особенно выделяет собрания под открытым небом, перечисляя самые известные – Скансен (г. Стокгольм, Швеция), Бюгдой (г. Осло, Норвегия), Национальный музей Дании (г. Копенгаген, Дания), Музей под открытым небом в Арнеме (г. Арнем, Нидерланды). Характеризуя задачи этих музеев, французский музеолог отмечает, что иногда они возникают в странах, недавно получивших национальную независимость, а еще чаще служат подлинными этнографическими и лингвистическими хранилищами для национальных меньшинств. Особенным образом он характеризует их роль в Советском Союзе, видит ее в стимулировании развития характерных особенностей всех народов, входящих в состав многонационального государства.

Далее Ривьер представляет программу французского музея, отвечающего общемировым тенденциям. Прежде всего, обращает внимание признание того факта, что будущее учреждение должно быть ориентировано самой широкой публике, концептуально должно быть понятно и полезно массам, быть подлинно народным, используя лексику самого Ривьера. Уже в 1938 году, в специальной статье, посвященной его трактовке народных музеев, он уточнит, что таковыми для него явля-

ются те, что предназначены для самой широкой публики, рассказывающие о явлениях повседневной жизни и говорящие доступным языком. Это самый широкий спектр отраслевых музеев, включая промышленные, кустарные, сельскохозяйственные, этнографические – «музеи цивилизации», используя терминологию французского музейного деятеля [13, р. 26].

В «Новой судьбе музеев Франции» (1937) он также размышляет о том, как сделать французские музеи подлинно народными. В музеи должна прийти новая публика – рабочие. Над тем, как их привлечь, должны думать специалисты, решая, как преодолеть препятствия, характерные, как ему кажется, именно для Франции. Во-первых, это особая увлеченность художественными коллекциями, считает Ривьер. Профильная палитра музеев к тому моменту очень широка, но в привилегированном положении во Франции остаются художественные собрания. Остальные музеи могут быть более понятны и интересны широким массам, они исторически сложились в стране, но им не уделяется должного внимания, а потому их экспозиции и программы не современны и оттого не доступны или не интересны широкой аудитории. Во-вторых, Франция – страна чрезмерно централизованная, в том числе и в культурном плане, шесть миллионов парижан имеют особую возможность посещать музеи по отношению к остальному населению (приводится общая цифра в 34 миллиона человек) [14, р. 71]. Таким образом, заключает Ривьер, необходимо решать задачу развития сети музеев по всей территории Франции и в то же самое время модернизировать все направления деятельности существующих музеев. Эта деятельность предполагала в том числе и придание популяризаторской линии всему спектру музейных форм, ориентированных на посетителя.

В этом отношении интересны впечатления Ривьера от посещения Эрмитажа, которые мы находим в уже цитированной статье «Новая судьба музеев Франции». Он отмечает, что стал свидетелем экскурсии, проводившейся в Египетском зале для рабочих. Его впечатлила экспозиция: наряду с шедеврами древнеегипетской цивилизации там показаны предметы, характеризующие жизнь простого ремесленника. Представление подлинных предметов дополнялось вспомога-

тельными материалами, столь популярными в советских музеях 1930-х годов: рельефными планами, макетами, современными изображениями. Ривьер был поклонником такого рода материалов, поскольку тогда для него, как и для многих других музейных специалистов, на первый план выходила просветительская задача, а также привлечение широкой аудитории в музей. Завершая описание своего посещения Эрмитажа, он отмечает: «Именно такие музеи мы, специалисты, будем делать, поскольку таков наш долг» [14, р. 72]. Кстати, в материалах периодической печати, приуроченных к Всемирной выставке и посвященных характеристике отдела Музеографии на ней, находим слова современника о том, что в настоящий момент «единственная цель – установить тесное общение между массой, большой массой, и Музеями» [3, р. 31]. В то же время, в 1938 году, в специальном музеографическом номере журнала «Современная архитектура» (в котором напечатана и статья Ривьера «Народные музеи»), хранитель живописи в Лувре и коллега Ривьера по музейной секции на Парижской выставке Рене Юиг в статье «Судьба музеев», характеризуя эволюцию музея, отмечал, что если изначально его основополагающей функцией было хранение, затем – образование, то в настоящий момент по мере демократизации образовательной функции на первое место выходит популяризация [7, р. 3].

Представляя программу будущего французского этнографического музея в статье 1936 года, Ривьер настаивает, что учитывает сложившуюся к тому моменту ситуацию – во Франции уже есть несколько региональных этнографических музеев, успешно документирующих локальные культуры. Через два года в «Народных музеях» он их назовет настоящими центрами региональной цивилизации [13, р. 26], которые смогут комплексно представить отдельный уголок страны. Ярким примером подобного музея является местный музей в Роменай, расположенный в исторической провинции Бургундия, именно он стал основой одной из трех показательных экспозиций в разделе «Музеография» на Всемирной выставке в Париже в 1937 года. «Сельский дом в Роменай» иллюстрировал достижения в области презентации, достигнутые научными музеями. Экспозиция, взяв на вооружение опыт работы с экзотическим материалом, акцентировала внимание

не на прославлении прекрасного идиллического прошлого, а на связи традиционного общества с современностью. Соработником Ривьера в этой работе выступил этнолог А. Вараньяк. На площади около 50 квадратных метров демонстрировалось 120 предметов: орудия труда, мебель, предметы народного творчества, сопровождавшиеся обширными пояснительными текстами, многочисленными картами и фотографиями. Представители общины Роменай, как свидетельствуют фотографии того времени, принимали участие в функционировании выставки, демонстрируя свои традиции и обычаи.

Роменай упоминается Ривьером как иллюстрация к «новой судьбе музеев Франции», создаваемых для самой широкой аудитории, в том числе деревенского жителя, а не только провинциала-горожанина [14, р. 72]. Он был началом нового этапа собирательской стратегии этнографического музея, о которой речь шла выше: предметы документировали, максимально фиксируя контекст их бытования в повседневной культуре. Современники неоднократно подчеркивали, что в этом и состоит отличие шедевра искусства от предмета традиционной культуры. Произведение искусства может созерцать и интерпретировать любой, даже не обладающий значительным багажом специальных знаний. Этнографический предмет, за редким исключением, будучи обыденным элементом повседневности, для массового зрителя может быть не понятен, а потому не интересен. Именно в 1937 году начинается целая серия полевых исследований, длящаяся до момента открытия задуманного Ривьером музея – это произойдет только в 1972 году. Важно напомнить, что даже в годы немецкой оккупации Парижа и части Франции эта работа не останавливалась. Более того, она стала частью программы переквалификации безработных интеллектуалов – интеллектуальных строек, предложенных участником Сопротивления поэтом Э. Юмо. Это способ борьбы с безработицей и одновременно – средство противостоять отправке на принудительные работы в Германию. Интеллектуальные стройки, организованные музеем, руководимым Ривьером, помогают продолжить описание традиционных мебели, ремесел и сельской архитектуры. Порой же документы, подписанные Ж. А. Ривьером как директором нового музея, помогают не только избежать при-

нудительных работ. Известно, что участник Сопротивления Ж. Баландые в 1943 году в качестве волонтера отдела Черной Африки Музея человека получил от Ривьера документы на выполнение задания, благодаря которым он избежал работ и смог уйти в маки.

Что же касается направлений полевых сборов, то они описаны самим Ривьером в статье, опубликованной совместно с Ж. Кюизень в международном журнале «Музеум» в 1972 году. Они начались в географическом регионе Солонь (1937–1944), продолжились в нижней Бретани (1939), а потом распространились по всей Франции. Опросные листы помогали собирать информацию о старинных методах ведения сельского хозяйства, музыкальном фольклоре, сельской архитектуре, мебели, охоте, рыбной ловле и т. д. [15, р. 181–183]. Как отмечает М.-Ш. Калафа, автор современной экспозиции, посвященной Ж. А. Ривьеру и открытой в музее, наследовавшем собранию народных искусств и традиций – Музее цивилизаций Европы и Средиземноморья в Марселе, опросные листы, изучавшие традиционную мебель, содержали очень обширный круг вопросов: департамент и коммуна сбора предмета, его владелец, название на французском языке и местном диалекте, время изготовления и использования, описание, техники и материалы, надписи, место и имя создателя, трансформации, функции и локализация в доме, обычаи и верования, связанные с предметом. Дополнением становились габаритные чертежи, фотографии, дневники. Только по мебели было собрано и таким образом описано 13784 досье [1].

Возвращаясь к формированию замысла французского этнографического музея, отметим, что изначально специалистов привлекала идея его создания под открытым небом, и за прообраз решено было взять уже упоминавшийся шведский Скансен. Такой музей виделся под Парижем, на горе Валерьян (le mont Valérien), к западу от Булонского леса. Этот план относится к 1932 году. Однако к моменту чтения доклада в Школе Лувра и написания на его основе статьи в 1936 году Ривьер меняет свою позицию. Подобно тому, как современные французы отрицают возможность формулировки секретов и рецептов единой французской кухни, заявляя о существенных историче-

ски сложившихся региональных кулинарных различиях как части нематериального культурного наследия, Ривьер утверждает невыполнимость задачи показа всего многообразия локальных культур Франции в одном учреждении под открытым небом. В результате звучит следующее суждение: «Мы предлагаем задумать для Франции не один музей, а многочисленные маленькие музеи под открытым небом, расположенные предпочтительно на государственных или общинных землях (исторические замки, национальные леса, природные заповедники)» [12, р. 69]. Также предлагается располагать такие музеи неподалеку от молодежных общежитий, имея в виду их значительную потенциальную роль в культурной и социальной жизни региона. Вслед за этим музейный специалист, настаивая на существенных региональных культурных различиях, свойственных Франции, восклицает: «Франция... не может создать некоторое количество таких музеев, тогда как в Швеции их уже 150?» [12, р. 69]. В статье «Новая судьба музеев Франции» Ривьер будет увязывать распространение локальных музеев под открытым небом с задачами развития внутреннего туризма. Он приветствует достижения в области социальной политики, позволяющие рабочим, отдающим очень много сил производству, задуматься и о досуге, он отдает должное совершающейся «глубокой эволюции» в этой сфере [14, р. 72]. При этом Ривьер утверждает, что если крупным городским музеям лучше располагаться в новых, специально оборудованных для них зданиях (как это происходило в тот момент в Париже), то для местных музеев предпочтительно обустройство в старинном строении, что приведет к его сохранению.

Если говорить о парижском начинании, то оно, будучи традиционным музеем, расположенным в специальном здании, должно было стать дополнением к провинциальным инициативам. Ривьер особым образом оговаривает его название и утверждает, что использование термина «фольклор» носит слишком специальный характер, предлагая именовать его «французским музеем народных искусств и традиций» [12, р. 69]. Такое собрание должно стать второй составляющей «центра всех наук о человеке» [12, р. 69] вместе с возглавляемым П. Риве Музеем челове-

ка. Будущий музей видится единым центром документирования народных искусств и традиций, продолжением которого явятся многочисленные региональные сокровищницы народной культуры.

В связи с этим очень важна и интересна для рассмотрения предложенная Ривьером классификация музеев, показывающая его стремление к аналитике, которое проявит себя уже во второй половине XX века в ходе чтения курса лекций по музеологии (1970–1982). Подход французского музеолога к типологии музеев учитывает историческую эволюцию института музея, но в то же время дифференцирует музеи по назначению и составу коллекций, и, соответственно, по целевой аудитории. Можно утверждать, что эта позиция переключается со взглядами отечественного музеоведа Ф. И. Шмита, определявшего по этим же основаниям три основных типа музеев. У Ривьера же их четыре, следуя четырем стадиям развития музеев. Первая из них – стадия *аккумуляции*. Как считает Ривьер, музей, отвечающей этой фазе своей эволюции, получает «не важно что», «не важно откуда», «не важно от кого» и экспонирует все накопленное «не важно как» [12, р. 68]. Такой музей он называет *неоправданным*. Следующая стадия – *собрание*, музей формирует коллекции по методическому плану, экспонирует практически все собранное или по крайней мере пытается это делать. Это музей-*склад*, созданный для хранителей и только для них. Стадия *выбора* предполагает отбор самых красивых образцов, если речь о художественном музее, отбор типовых вещей – если о научном музее. Его целевая аудитория – элита знатоков и исследователи. Наконец, единственный музей, адресованный массам, – это музей *синтеза*. Экспозиция построена на тщательно отобранном предметном ряде. Кроме подлинников, в ней присутствуют вспомогательные материалы, включая фотографии и значительные по объему объяснительные тексты. Такой музей, полагает Ривьер, возможно посетить и понять без сопровождения экскурсовода. Он вновь признается в симпатии к советским музеям и пишет о том, что многие из них как раз достигли этой стадии развития [12, р. 68].

Далее Ривьер отмечает, что если идеальный музей соединяет в себе три последние стадии: *собрания* – в фондах, *выбора* – в череде публичных залов, *синтеза* – в публичных галереях, содержа-

щих материалы для обобщения и сравнения, то будущий музей народных искусств и традиций может быть лишь музеем синтеза – в силу большого количества местных музеев, которые станут объектами интереса специалистов. В статье «Народные музеи» (1938), еще раз подчеркивая свое понимание этого понятия, он относит к таковым оба музея, задуманные во дворце Шайо – и Музей человека, и Национальный музей народных искусств и традиций, который посвящен, по его словам, «нашим крестьянам и ремесленникам, нашему традиционному образу жизни, нашим верованиям и нашим самым сокровенным обычаям» [13, р. 26].

Такова в своих основных чертах концепция Национального музея, посвященного традиционной французской культуре, какой ее сформулировал в 1930-х годах Ж. А. Ривьер, назначенный первым директором будущего учреждения. Однако реализация планов затянулась на долгие годы в силу многочисленных объективных обстоятельств. Сначала Вторая мировая война прервала всю музейную деятельность в Париже на долгие годы. Уже в 1950-е годы стало очевидно, что та часть дворца Шайо, которую предназначили музею, не позволяет развернуть его деятельность в полном объеме. Поэтому поначалу музей проводил только временные выставки. Значительно позже он получил новую площадку – специально построенное в 1969 году здание в Булонском лесу. Именно здесь он начал функционировать лишь в начале 1970-х годов. В новом помещении нашлось место для центра документации, фонотеки и синематеки, которые виделись Ривьеру неотъемлемыми составляющими музея. Сначала в 1972 году, следуя замыслам о двойном предназначении экспозиций, была открыта учебная галерея для студентов, коллекционеров и специалистов. В 1975 году приняла первых посетителей так называемая культурная галерея, целевой аудиторией которой предполагалась уже широкая публика. Постепенно тематически разрасталась и коллекция музея.

Подведем итоги. 1920–30-е годы стали временем значительных исканий в экспозиционно-выставочной деятельности музеев. Данный процесс затронул и этнографические собрания, ярким свидетельством чего является история

формирования в Париже Музея народных искусств и традиций. В 1920–30-е годы этнология как наука обретала статус самостоятельной университетской дисциплины, существенны были достижения в области методики сбора и изучения этнографических предметов. Правила, апробированные для документирования неевропейского материала, вскоре стали востребованными и при музеефикации объектов традиционной французской культуры. Важной составляющей концепции будущего музея стала идея подлинной демократизации сферы наследия, предполагавшая популяризаторскую деятельность как на уровне формирования новых экспозиций, так и на этапе приема посетителей. Ж. А. Ривьер, начавший работать в музее в 1928 году, стал свидетелем и непосредственным участником всех описанных процессов. Его биография является ярким свидетельством

еще одной характерной черты развития музейной сферы того периода – она переживала этап профессионализации. Важной составляющей этого процесса является интернационализация. Ривьер много путешествовал, изучая международный опыт, и стал одним из организаторов музеографического отдела на Всемирной выставке в Париже в 1937 году. Сам факт создания этого отдела очень показателен – достижения в экспозиционно-выставочной деятельности демонстрируются на всемирном форуме наряду с успехами в науке, технике, искусстве и колониальной политике. Результатом осмысления международной практики интерпретации традиционной народной культуры становится концепция будущего Национального музея народных искусств и традиций, разрабатывавшаяся в многочисленных статьях, написанных Ривьером во второй половине 1930-х годов.

Литература

1. Calafat M.-Ch. Collecter, muséographe: le cas du Musée national des arts et traditions [Электронный ресурс]. – URL: <https://mucemlab.hypotheses.org/321> (дата обращения: 12.09.2023).
2. Charenso G. Le tour du monde en 10 minutes [Электронный ресурс] // *Intransigeant*. – 1938. – 21.06. – P. 1, 5. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k795875r/f5.item.zoom> (дата обращения: 25.08.2023).
3. Exposition internationale de 1937. Groupe I. Classe III. Musées et expositions [Электронный ресурс] // *L'amour de l'art*. – 1937. – № 6. – P. 3–32. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4226205f/f234.item.zoom> (дата обращения: 15.09.2023).
4. Gorgus N. Georges Henri Rivière et l'Europe. Rapprochements et accommodements entre 1936 et 1945 [Электронный ресурс] // *Du folklore à l'ethnologie* [en ligne]. – Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 2009. – URL: <https://books.openedition.org/editionsmsmh/10115> (дата обращения: 12.09.2023).
5. Grognet F. Objets de musée, n'avez vous donc qu'une vie? [Электронный ресурс] // *Gradhiva. Revue d'anthropologie et d'histoire des arts*. – 2005. – № 2. – URL: <https://journals.openedition.org/gradhiva/473> (дата обращения: 15.09.2023).
6. Holler D. La Valeur d'usage de l'impossible [Электронный ресурс] // *Documents*. – 1929. – № 1. Preface. Reprint. – Paris: Edition Jean-Michel Place, 1991. – P. VII–XXXIV. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k32951f/f24.item> (дата обращения: 10.09.2023).
7. Huyghe R. Destinée des musées [Электронный ресурс] // *L'architecture d'aujourd'hui*. – 1938. – № 6. – P. 3–4. – URL: https://portaildocumentaire.citedelarchitecture.fr/pdfjs/web/viewer.html?file=/Infodoc/ged/viewPortal-Published.ashx?eid%3DFRAPN02_AA_1938_06_PDF_1 (дата обращения: 18.09.2023).
8. Laurière Chr. Georges Henri au Trocadéro. Du magasin au bric-à-brac à la sécheresse de l'étiquette [Электронный ресурс] // *Gradhiva: revue d'histoire et d'archives de l'anthropologie*. – 2003. – № 33. – P. 57–66. – URL: https://www.persee.fr/doc/gradh_0764-8928_2003_num_33_1_1304 (дата обращения: 25.08.2023).
9. Lettres de Georges Henri Rivière à Paul Rivet (1929–1944) [Электронный ресурс] / Ed. Jean Jamin // *Gradhiva: revue d'histoire et d'archives de l'anthropologie*. – 1986. – № 1. – P. 22–27. – URL: https://www.persee.fr/docAsPDF/gradh_0764-8928_1986_num_1_1_979.pdf (дата обращения: 22.09.2023).
10. Loyau A. Le Musée d'Ethnographie du Trocadéro et ses transformations, 1878–1935: configurations, espaces muséaux et réseaux [Электронный ресурс]. – Paris: Editions du Comité des travaux historiques et scientifiques, 2017. – URL: <https://books.openedition.org/cths/2714> (дата обращения: 19.08.2023).
11. Musée national des arts et traditions populaires: administration générale, partenariats, recherche [Электронный ресурс]. – URL: <https://francearchives.gouv.fr/findingaid/1f2d4938e0bf6d90f266fbb0068def52320634ef#tree-hierarchy> (дата обращения: 30.08.2023).

12. Rivière G.H. Les musées de folklore à l'étranger et le future "Musée français des arts et traditions populaires" *Revue de folklore français et de folklore colonial* [Электронный ресурс]. – 1936. – № 3. – P. 58–71. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k115488t> (дата обращения: 15.09.2023).
13. Rivière G.H. Les musées populaires [Электронный ресурс] // *L'Architecture d'aujourd'hui*. – 1938. – № 6. – P. 26. – URL: https://portaildocumentaire.citedelarchitecture.fr/pdfjs/web/viewer.html?file=/Infodoc/ged/viewPortalPublished.ashx?eid%3DFRAPN02_AA_1938_06_PDF_1 (дата обращения: 26.08.2023).
14. Rivière G.H. Nouveau destin des Musées de France [Электронный ресурс] // *L'amour de l'art*. – 1937. – № 3. – P. 71–72. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4226205f/f98.item.zoom> (дата обращения: 24.08.2023).
15. Rivière G.H., Cuisenier J. Le musée des arts et traditions populaires, Paris [Электронный ресурс] // *Museum*. – 1972. – Vol. XXIV. – № 3. – P. 181–186. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000127375_fre (дата обращения: 01.10.2023).

References

1. Calafat M.-Ch. *Collecter, muséographe: le cas du Musée national des arts et traditions*. (In French). Available at: <https://mucemlab.hypotheses.org/321> (accessed 12.09.2023).
2. Charenso G. Le tour du monde en dix minutes. *Intransigent*, 1938, 21.06, pp. 1, 5. (In French). Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k795875r/f5.item.zoom> (accessed 25.08.2023).
3. Exposition internationale de 1937. Groupe I. Classe III. Musées et expositions. *L'amour de l'art*, 1937, no. 6, pp. 3-32. (In French). Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4226205f/f234.item.zoom> (accessed 15.09.2023).
4. Gorgus N. Georges Henri Rivière et l'Europe. Rapprochements et accommodements entre 1936 et 1945. *Du folklore à l'ethnologie*. Paris, Éditions de la Maison des sciences de l'homme Publ., 2009. (In French). Available at: <https://books.openedition.org/editionsmsh/10115> (accessed 12.09.2023).
5. Grognet F. Objets de musée, n'avez vous donc qu'une vie? *Gradhiva. Revue d'anthropologie et d'histoire des arts*, 2005, no. 2. (In French). Available at: <https://journals.openedition.org/gradhiva/473> (accessed 15.09.2023).
6. Holler D. La Valeur d'usage de l'impossible. *Documents*, 1929, no. 1. Preface. Reprint. Paris, Edition Jean-Michel Place Publ., 1991, pp. VII–XXXIV. (In French). Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k32951f/f24.item> (accessed 10.09.2023).
7. Huyghe R. Destinée des musées. *L'architecture d'aujourd'hui*, 1938, no. 6, pp. 3-4. (In French). Available at: https://portaildocumentaire.citedelarchitecture.fr/pdfjs/web/viewer.html?file=/Infodoc/ged/viewPortalPublished.ashx?eid%3DFRAPN02_AA_1938_06_PDF_1 (accessed 18.09.2023).
8. Laurière Chr. Georges Henri au Trocadéro. Du magasin au bric-à-brac à la sécheresse de l'étiquette. *Gradhiva: revue d'histoire et d'archives de l'anthropologie*, 2003, no. 33, pp. 57-66. (In French). Available at: https://www.persee.fr/doc/gradh_0764-8928_2003_num_33_1_1304 (accessed 25.08.2023).
9. Lettres de Georges Henri Rivière à Paul Rivet (1929-1944). Ed. Jean Jamin. *Gradhiva: revue d'histoire et d'archives de l'anthropologie*, 1986, no. 1, pp. 22-27. (In French). Available at: https://www.persee.fr/docAsPDF/gradh_0764-8928_1986_num_1_1_979.pdf (accessed 22.09.2023).
10. Loyau A. *Le Musée d'Ethnographie du Trocadéro et ses transformations, 1878-1935: configurations, espaces muséaux et réseaux*. Paris, Editions du Comité des travaux historiques et scientifiques Publ., 2017. (In French). Available at: <https://books.openedition.org/cths/2714> (accessed 19.08.2023).
11. *Musée national des arts et traditions populaires: administration générale, partenariats, recherche*. (In French). Available at: <https://francearchives.gouv.fr/findingaid/1f2d4938e0bf6d90f266fbb0068def52320634ef#tree-hierarchy> (accessed 30.08.2023).
12. Rivière G.H. *Les musées de folklore à l'étranger et le future "Musée français des arts et traditions populaires" Revue de folklore français et de folklore colonial*, 1936, no. 3, pp. 58-71. (In French). Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k115488t> (accessed 15.09.2023).
13. Rivière G.H. Les musées populaires. *L'Architecture d'aujourd'hui*, 1938, no. 6, p. 26. (In French). Available at: https://portaildocumentaire.citedelarchitecture.fr/pdfjs/web/viewer.html?file=/Infodoc/ged/viewPortalPublished.ashx?eid%3DFRAPN02_AA_1938_06_PDF_1 (accessed 26.08.2023).
14. Rivière G.H. Nouveau destin des Musées de France. *L'amour de l'art*, 1937, no. 3, pp. 71-72. (In French). Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4226205f/f98.item.zoom> (accessed 24.08.2023).
15. Rivière G.H., Cuisenier J. Le musée des arts et traditions populaires, Paris. *Museum*, 1972, vol. XXIV, no. 3, pp. 181-186. (In French). Available at: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000127375_fre (accessed 01.10.2023).